

Хуже всего то, что у моего мужа оказалось четверо детей от погибшей жены. Старший сын Джереми, средний сын Элиас и самые младшие в семье — двойняшки Леон и Рейчел.

С первого же дня, как я вошла в этот дом, в их глазах поселились враждебность и гнев, которые трудно описать словами. Джереми всегда смотрел на меня свысока, Элиас постоянно подшучивал — только его розыгрыши были слишком вредительскими, чтобы походить на простые шутки, а близнецы и вовсе называли меня «фальшивой матерью». Один только бог знает, сколько терпения я в себе взрастила, пока жила с ними.

Любила ли я этого мужчину, моего мужа, которому меня продали как овцу со скотобойни? Он был возраста моего отца, а причиной, почему он на мне женился, было то, что я была похожа на его первую любовь. И тем не менее, он был добр ко мне. Всегда — добр и заботлив.

Хоть мы и были женаты, он никогда даже не прикасался ко мне — по той единственной причине, что я этого не хотела. И, в каком-то смысле, он исполнил мою просьбу, пускай и заплатил за меня деньги.

Даже от собственной семьи я не устаивалась такого уважения и внимания. И хотя я не любила его, я проявляла уважение и благодарность. Пока он не умер от пневмонии ровно спустя два года нашего брака. У нас на самом деле были дружеские отношения.

После того как маркиз узнал, что находится в критическом состоянии, он отослал детей, и именно мне, его молодой жене, пришлось прогонять его родственников и писать за него завещание.

Может, он и это продумал. Подобный предпринятый им шаг мог гарантировать, что меня, молодую и неопытную девушку, с которой никто не обращался как с настоящей женой маркиза, будут в этом доме уважать даже после его смерти...

Но он переложил на мои плечи огромную ответственность.

И я все еще ясно помню слова, что он сказал мне:

— Все права патриарха семьи временно передаются Сури фон Нойванштайн, и действовать они будут до тех пор, пока старший сын, Джереми фон Нойванштайн, не достигнет совершеннолетия и не женится. Если до этого она умрет, все права будут переданы под контроль Императорской семьи.

И это было вполне естественно, ведь права наследования власти значительно отличались от прочего. По законам Империи власть передавалась только старшему сыну семьи или же зятю, а если наследник оказывался слишком молодым, то до совершеннолетия власть перенимали его дядя или тетя.

Но с каких пор семья Нойванштайн была обычной в этом отношении?

И тем не менее на завещании стояли подпись маркиза и его печать — и это завещание не только давало право юной, несовершеннолетней девушке контролировать рыцарей семьи, но и также решать большие и малые вопросы, касающиеся положения семьи и взаимодействий с обществом — и даже право занимать место в совете и высказывать свое мнение. Все говорили, что он помутился рассудком. Я тоже думала, а не случилось ли чего с его мозгами.

Перед смертью муж доверил мне своих детей. Было бы нелепо, называй они меня «матушкой», да и новый титул мне совсем не подходил. Всех присутствующих в комнате на момент написания завещания он просил заботиться обо мне и защищать любой ценой. Он слишком сильно верил в меня, и я, следуя нашим договоренностям, всеми силами старалась отплатить ему за это доверие.

Я до сих пор помню свой страх: будучи еще шестнадцатилетней девочкой, окруженная выдающимися аристократами, высокомерно взирающими на меня свысока, я противостояла их потугам заставить меня отказаться от данной мне власти.

<http://tl.rulate.ru/book/96828/1904824>